

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К77

Оформление *С. Прохоровой*

В оформлении обложки использованы фотографии:
Nadya Korobkova, Lyudmila2509,
Milos Stojiljkovic, Valentyn Volkov/ Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Крамер, Марина.

К77   Время злых чудес : [роман] / Марина Крамер. —
Москва : Эксмо, 2019. — 288 с. — (Закон сильной.
Криминальное соло Марины Крамер).

ISBN 978-5-04-099117-4

Никто из сотрудников адвокатской фирмы не замечал, что с секретарем Ириной Яровой — и без того дамой довольно странной — происходит что-то необычное. Только бывшему старшему следователю прокуратуры Лене Крошиной показалось поведение женщины подозрительным. А вот была ли тому виной найденная на секретарском столе яркая визитка экстрасенса Белькевича или Иринина рассеянность и чрезмерная задумчивость, Лена сказать не могла. Но интуиция ее не обманула — однажды всегда обязательная Ирина не явилась на работу, а вскоре выяснилось, что она вообще исчезла, причем вместе со своей больной парализованной матерью...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Крамер М., 2019

© Оформление. ООО

«Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-099117-4

ЧАСТЬ I

АДВОКАТУРА

После хорошего наступает плохое,
после плохого снова приходит хорошее.

ЯПОНСКАЯ ПОСЛОВИЦА

Женщина рыдала так отчаянно, что смотреть на это без сочувствия оказалось невозможно. Ее худые плечи, обтянутые синей, слегка выцветшей кофточкой, вздрагивали, из-под больших очков безостановочно текли слезы, которые она даже не пыталась вытирать. Лена Крошина впервые видела, чтобы человек рыдал, сидя с прямой спиной и не закрывая руками лица. Она присела на край стола и спросила:

— Ирина Витальевна, что с вами?

— Все в порядке, Елена Денисовна, я сейчас принесу ваши документы, — бесцветным голосом, не переставая рыдать, проговорила женщина.

— Это не срочно. С вами точно все в порядке?

— Да, точно.

Женщина сняла очки и потянулась к ящику стола, откуда вынула пачку бумажных платков. Лена почувствовала свою неуместность и поспешила уйти в кабинет, где ее уже ждала клиентка.

Вот уже почти год бывший старший следователь Елена Денисовна Крошина трудилась адвокатом в фирме своей матери. Собственно, адвокатом она стала всего семь месяцев назад, а до этого занимала скромную должность помощника, вникая во все тонкости адвокатской профессии. Переключиться со следовательской работы на защиту

обвиняемых было непросто — раньше Лена занималась тем, что складывала по кусочкам картину преступления и сводила воедино улики, доказывавшие виновность подозреваемых. Теперь же ее работа состояла в абсолютно противоположном — доказать невиновность клиента. К счастью, уголовными делами бюро Натальи Крошиной не занималось — все больше административными, а также участвовало в бракоразводных процессах и процессах по разделу имущества, и все это на первых порах давалось Лене довольно тяжело. Хитросплетения семейных неурядиц порой приводили ее в уныние — она не была склонна разбираться во всех этих тонкостях, да и факты чужой личной жизни вызывали у нее если не отвращение, то стойкую неприязнь, однако со временем она научилась относиться к этому просто как к служебной необходимости, и все сразу стало намного легче.

Бюро было довольно известным, клиентов всегда хватало, и пятеро адвокатов, работавших у Натальи Крошиной, всегда были загружены работой. Мать Лены и сама участвовала в процессах, будучи хорошим и успешным адвокатом, к которому часто обращались и высокопоставленные чиновники, и бизнесмены.

Лене пришлось буквально на ходу учиться всем премудростям, но упорство и усидчивость, а также аналитический склад ума и привычка докапываться до сути здесь весьма пригодились и сделали процесс хоть и трудоемким, но все-таки не сводящим с ума.

— Такие кипы узкоспециализированных книг я читала, кажется, только в университете, — жаловалась она старому приятелю Андрею Паровозникову, отношения с которым поддерживала до сих пор.

Капитан Паровозников, старший оперуполномоченный уголовного розыска, знал Лену давно, они много работали вместе и даже пытались завести роман, о чем теперь старались не вспоминать, чтобы не делать друг другу больно. И если у Андрея личная жизнь со временем сложилась, то Лена до сих пор была одна. Окончившийся разрывом роман с фотографом Никитой Кольцовым убедил ее в том, что больше повторять этих ошибок она не хочет.

Воспоминания о Никите до сих пор причиняли страдания, хотя Лена изо всех сил старалась о нем не думать. Но даже в довольно большом по современным меркам городе то и дело возникали ситуации, в которых не вспоминать было невозможно. Кольцов устраивал выставки, о которых сообщали в новостях, снимал какие-то презентации, заезжих знаменитостей, устраивал в парке фотовыставки работ своих учеников, и Лена, ходившая через этот парк домой, вынуждена была пробегать мимо огромных стендов, где в подписях к снимкам мелькала фамилия Кольцова.

Она не жалела об их разрыве, понимая, что у этих отношений не было никакого будущего, но пережить его до конца пока так и не смогла. На встречи же с кем-то другим просто не оставалось сил и времени — она постоянно работала или читала специальную литературу, чтобы наверстать то, чего не знала. В повседневной суете Лена не замечала своего одиночества, но зато очень остро чувствовала его в праздники и в выходные, когда оставалась один на один с собственными мыслями. «Надо хоть кота завести. Или собаку», — часто думала она, но тут же одергивала себя — на животное совершенно не оставалось

свободного времени, кроме выходных, и подвергать ни в чем не повинное существо пытке одиночеством казалось Лене жестокостью.

Расположившись за столом в своем кабинете, появившемся у нее сравнительно недавно, Лена потянула к себе папку с очередным делом, которым занималась. Ее работа почти не отличалась от той, что она делала раньше в прокуратуре. Почти — с существенной оговоркой. Теперь она должна была найти не доказательства вины, а наоборот — оправдывающие ее клиента факты. Папка, лежавшая сейчас перед ней, не содержала ничего особенного — раздел имущества между разведенными супругами. Такие дела Лена не любила, но выбора ей никто, конечно, не предоставлял. В кабинет постучали, и на пороге почти неслышно появилась Ирина Витальевна:

— Елена Денисовна, вот справки, которые вы заказывали.

Она положила на стол два листа и повернулась, чтобы выйти.

— Ирина Витальевна, с вами точно все в порядке? — бросив беглый взгляд на листки, спросила Лена вдогонку.

Секретарь обернулась:

— Да.

— Точно?

— Точно.

— Тогда почему вы принесли какие-то выписки из домовой книги с неизвестной мне фамилией?

Ирина Витальевна пару секунд молчала, растерянно приоткрыв рот, а потом, быстро взяв со стола справки и поднеся их к глазам, пробормотала:

— Извините, Елена Денисовна, я взяла их из другой стопки. Сейчас принесу ваши, извините еще раз.

Она стремительно покинула кабинет, а Лена, проводив ее взглядом, снова подумала о том, что с Ириной что-то не то. Очень педантичная, никогда не опаздывающая и знающая наизусть номера, кажется, всех дел в бюро, Ирина Витальевна просто не могла взять документы не из той стопки. У нее каждая бумажка знала свое место, каждый карандаш, каждая скрепка. Когда Лена только пришла работать в бюро, она довольно много времени провела в приемной, где царила Ирина — мать предупредила, что отдельное рабочее место нужно заслужить, как это делали все. И столик Лены приткнули к окну в приемной.

За месяцы стажировки Крошина успела кое-что узнать о жизни секретаря матери, хотя Ирина Витальевна не была склонна к разговорам о личной жизни в стенах учреждения, где работала. Но Лена не зря столько лет проработала следователем, она умела делать выводы из мелочей, а Ирина Витальевна представлялась ей довольно интересным человеком, о котором хотелось узнать побольше. Собственно, таким человеком Ирина Витальевна и оказалась, хотя многие вещи показались Лене весьма странными.

Высшее биологическое образование удивительным образом уживалось в Ирине Витальевне с потрясающим, даже дремучим каким-то мракобесием. Знания по анатомии, физиологии и биохимии причудливо соседствовали с теориями о чувствах растений, об энергетических вампирах, коих, по глубочайшему убеждению Ирины, среди людей девяносто процентов, и потому остальные десять вынуждены жить в состоянии жесточайшего прессинга и

постоянной обороны. По этому поводу Лена однажды выслушала целую лекцию, и это был, пожалуй, самый длинный монолог, который она вообще слышала в исполнении Ирины.

Работала же Ирина секретарем в адвокатском бюро исключительно для того, чтобы ни за что особенно не отвечать, и на это имелась очень веская причина — на попечении у нее находилась больная мать, которая вот уже много лет не выходила из квартиры. Сделав необходимую работу, Ирина подхватывала сумку на колесах, какие обычно используют для походов по магазинам пенсионерки, и отправлялась в ближайший супермаркет одной из дешевых сетей, чтобы купить продуктов на пару дней — больше она просто не в состоянии была унести.

Самой главной Ириной страстью в последнее время стали съемки для видеоблога и публикация роликов в Интернете на собственном канале. К удивлению сотрудников бюро, у нее нашлось немало почитателей — ее блог смотрели, комментировали, и Ирина начала даже немного зарабатывать публикациями отзывов на те или иные продукты, приобретенные в определенных торговых точках. Деньги в ее ситуации лишними никак не были, а потому она ухватилась за эту возможность — ведь всего-то и надо, что поехать в магазин, купить продукты, высказать на камеру краткое о них мнение, смонтировать ролик и выложить его в Сеть. Об этом Ирина тоже рассказала сама, когда в обеденный перерыв речь зашла о том, кто что смотрит в свободное время. Лена удивилась, но название канала записала и в тот же вечер просмотрела несколько роликов.

Как ни странно, они создавали атмосферу умиротворенности, успокаивали и возвращали равновесие. Навер-

ное, причиной тому был голос Ирины — мягкий, с едва слышным латышским акцентом, словно обволакивающий коконом. Его хотелось слушать и слушать, и смысл речи был вообще неважен — Ирина рассказывала о консервированной сайре, о зеленом горошке, о губках для мытья посуды, а Лене казалось, что она погружается в ласковые волны теплого моря и плывет, испытывая огромное удовольствие. Иногда в этих роликах проскальзывали и рассуждения о вампирах и пользе перекиси водорода, но Лена не относилась к этому серьезно, хотя и не понимала, почему умный, образованный человек искренне верит в подобное.

Ирине Витальевне она рассказала о своих ощущениях, и та, вежливо поблагодарив, сказала, что над голосом она работала в юности, когда хотела стать актрисой.

— Как же вы на биофак поступили? — удивилась Лена.

Ирина легко пожала плечами:

— Не всегда в жизни получается делать то, что хочется. Иногда нужно делать то, что целесообразнее. Я много лет преподавала биологию в университете, а потом вынуждена была уволиться — мама заболела.

— И вам нравилась биология?

— Мне нравилось общаться со студентами. А потом я оказалась заперта в четырех стенах с мамой. И вот этот канал — возможность хотя бы в одностороннем порядке с кем-то говорить.

— А как же бюро?

— Это тоже вынужденная мера — я ведь должна зарабатывать деньги.

Лене очень хотелось спросить, почему Ирина не вышла замуж, но подобное любопытство казалось неуместным и неделикатным, и она сдержалась. Однако Ирина

примерно через пару недель сама заговорила на эту тему. Был один из тех редких дней, когда она задержалась в бюро, не успев сделать всю работу, и Лена вызвалась помочь. В процессе разговор как-то сам вышел на тему замужества, и Ирина сказала:

— А я собиралась замуж, и жених у меня был.

— Не сложилось? — сочувственно спросила Лена.

— Я выбрала маму, — коротко ответила Ирина, защелкивая уплотнитель в папке. — Иногда приходится делать выбор не в свою пользу.

Лена не стала расспрашивать, но в уме быстро прикинула: мать Ирины болеет около пяти лет — это по ее собственным словам, а замуж Ирина собиралась явно в юности, сейчас ей около пятидесяти. Значит, дело не в болезни.

«Похоже, мама там тот еще диктатор», — подумала Крошина, аккуратно вкладывая очередной файл в папку.

Больше на эту тему они не разговаривали, но Лена, даже не отдавая себе отчета, зачем это делает, всегда внимательно слушала то, о чем говорит Ирина. Ролики ее Лена продолжала смотреть, став настоящей их поклонницей.

Сегодняшняя Иринина рассеянность и ее утренние слезы наводили Лену на мысль, что в жизни секретаря произошло нечто такое, что выбило ее из привычной колеи и заставило нервничать. Обычно спокойная, уравновешенная и даже чуть вялая, Ирина никогда не позволяла себе таких бурных проявлений, как слезы на рабочем месте. Лена очень хотела помочь, но для этого нужно было как минимум знать причину. И быть уверенной в том, что Ирина помощь примет.

Уже уходя вечером домой, Лена зашла в приемную, чтобы положить на стол секретаря папку с делом. Ирины не было — она уходила домой раньше, а оставленные на столе папки разбирала утром. Лена положила дело на край стола и вдруг увидела торчавшую из стакана с карандашами визитку. Вроде бы ничего удивительного — у секретаря адвокатского бюро таких визиток полный стол, но эта была яркая, в радужных тонах, и явно не имела отношения к делам бюро. Лена осторожно вытянула ее и увидела золотую надпись «Воланд Белькевич, экстрасенс, привороты, беседы с умершими, коды на бизнес». Внизу номера телефонов — все как обычно. Но имя и род занятий Лену заинтересовали. Она быстро достала телефон и сделала снимок, после чего вернула визитку обратно в стакан, постаравшись разместить ее так, как она торчала до этого.

«Интересно, зачем Ирине телефон экстрасенса? — думала она, выходя из бюро на улицу. — Хотя... она верит во всю эту потустороннюю чушь, могла заинтересоваться».

Странное имя экстрасенса накрепко засело в голове. Лена понимала, что вряд ли господина Белькевича на самом деле зовут Воландом, но отдавала должное его фантазии и рекламной смекалке — такое имечко не сразу забудешь, даже она то и дело возвращается к странному, но звучному сочетанию.

«Но что все-таки привлекло Ирину? Ведь зачем-то она оставила эту визитку, обычно, насколько я успела заметить, то, что ей не нужно, сразу летит в корзину для мусора — она так и говорит, мол, нечего засорять пространство тем, что тебе не пригодится, будь то вещи или мысли».

Со следующего дня Лена стала наблюдать за Ириной и к концу недели убедилась в том, что с секретарем тво-

рится что-то неладное. Ирина путала документы, невпопад отвечала по телефону или вовсе не слышала звонка, то и дело замирала за своим столом, уставившись невидящим взглядом в одну точку, потеряла письмо, которое Наталья Ивановна Крошина ждала из коллегии адвокатов, а количество разбитых ею за неделю чашек превысило допустимые пределы. В конце концов Наталья Ивановна вызвала Ирину к себе в кабинет и довольно жестко отчитала, предупредив, что на это место легко найдет кого-то более молодого и расторопного. Ирина в слезах выбежала из кабинета начальницы, схватила сумку и старомодный серый плащ и, едва не сбив с ног Лену, покинула здание.

— Что случилось? — спросила Лена у матери, войдя к ней в кабинет, но Наталья Ивановна никогда не обсуждала с ней происходящее в бюро.

— К тебе это не имеет никакого отношения. Ты по какому вопросу?

Лена подавила вздох и принялась рассказывать о сложностях, возникших в деле, которым занималась.

То, что мать держится от нее на расстоянии, с одной стороны, Лену радовало — не приходилось рассказывать что-то о себе, говорить на личные темы, но с другой — эта отчужденность обижала: все-таки мать, могла бы и проявить хоть немного родительского тепла, просто поинтересоваться, тяжело ли ей работать, например. Но мать была холодна и неприступна, и Лена перестала надеяться на чудо. В конце концов она сама приложила руку к тому, что происходило между ними теперь — могла бы и отказаться от дела, в котором, пусть и косвенно, фигурировал отец, но не отказалась ведь. Отец покончил с собой, а мать, хоть